

В новом наряде крохотный Золотой Отрок казался еще более очаровательным. Весь его костюм — от короткой распашонки до бархатной юбочки и крошечных сапожек — сиял чистейшим золотом, разбавленным лишь тонкой вязью темно-желтых узоров. Малыш так ярко лучился великолепием, что на него было больно смотреть: глаза резало от этого нестерпимого блеска.

— О-о-ох! — закричала восхищенная Шуй Цюбо, сжимая мальчика в объятиях с такой силой, что тот едва не задохнулся. — Как сидит! Какая прелесть! Да я просто гений!

Бедный ребенок судорожно глотал воздух, пока его тискали.

— Какая жуткая баба, — пробормотал один из прохожих.

— Бедный малец... — сочувственно вздохнул другой.

— Послушайте, барышня... вы бы отпустили Отрока, — не выдержал Да Данцзя, решив вмешаться.

Шуй Цюбо согласно кивнула, но прежде чем выпустить ребенка, потискала его еще немного. Наконец она отстранила его, но рук не убрала — вертела его, разглядывая со всех ракурсов и что-то восторженно бормоча под нос. Она совершенно не замечала, что малыш уже едва сдерживает слезы.

Лянь Уцзю, заметив, что Отрок вот-вот разрыдается, потянулся было забрать его, но тут Шуй Цюбо оглушительно взвизгнула, заставив его отшатнуться.

— Боже мой! Кто тебя так причесал?! — завопила она и принялась торопливо распускать косички на голове Отрока.

Движения ее были слишком резкими и быстрыми, так что о нежности говорить не приходилось. Она слишком сильно тянула волосы, причиняя малышу нешуточную боль. Это стало последней каплей. Отрок больше не мог терпеть и разревелся во весь голос.

Крупные, как горошины, слезы покатались из его глаз, мгновенно оставляя мокрые темные пятна на сияющем золотом шелке. Личико покраснелось, растрепанные волосы, которые девушка так и не успела причесать, смешно торчали во все стороны взъерошенным гнездом. Мальчик судорожно всхлипывал, дрожа от рыданий, и умоляюще смотрел на своих троих покровителей.

Его оглушительный плач эхом разнесся по улице, мгновенно привлекая внимание зевак. Тут же со всех сторон начали стягиваться сочувствующие женщины. Толпа вокруг зашумела:

— Батюшки, чей же это ребеночек? Бедняжка какой!

— Какой живоде́р довел дитя до истерики?!

— Крошка, ну не плачь, иди ко мне, хорошенький мой!..

Пока спутники Отрока пребывали в растерянности, старый наставник сориентировался быстрее всех. Он подхватил малыша на руки и принялся бережно утирать ему слезы:

— Ну-ну, тише, маленький. Настоящие мужчины не плачут. Будешь реветь — сестрица, которая подарила тебе этот чудесный наряд, тоже расплачется.

Старик не лукавил. Шуй Цюбо действительно не желала зла, ее просто подвела профессиональная одержимость. Для портнихи нет большего счастья, чем встретить идеального манекенщика для своего творения. Стоило ей завидеть Отрока, как она потеряла голову от восторга. Одевание сидело безупречно, однако нелепые девичьи косички совершенно не сочетались с благородным образом. Из лучших побуждений она решила переделать прическу... и вот результат. Мало того что довела ребенка до слез, так еще и навлекла на себя гнев всей улицы. Сама она была еще совсем юной девушкой и с подобной несправедливостью никогда не сталкивалась. Чувство вины и страх нахлынули на нее с такой силой, что под аккомпанемент детского плача ей самой захотелось завывать в голос.

И верно — не прошло и минуты, как Шуй Цюбо разрыдалась. Громко реветь она стеснялась, а потому лишь горько и часто всхлипывала, утыкаясь в ладони. Да Данцзя и Лянь Уцзю застыли в крайнем смущении, совершенно не понимая, как разругать эту нелепую сцену. Старый наставник со вздохом покачал головой и шепнул мальчику:

— Ну вот, посмотри: ты плачешь, и сестрица плачет. Она ведь от чистого сердца подарила тебе одежду. Пойди утешь ее, а? Не то прохожие решат, будто она тебя обидеть хотела, и начнут ее ругать.

Отрок притих, кулачком утер слезы и шмыгнул носом, украдкой поглядывая на девушку. Увидев, что она и впрямь плачет, он нешуточно встревожился — им овладело раскаяние. Папа и бабушка всегда учили его: настоящий мужчина никогда не должен заставлять женщину плакать!

— Сестрица, пожалуйста, не плачь... Я больше не буду, честное слово, — пролепетал Отрок, робко потянув Шуй Цюбо за рукав и снова всхлипнув.

Но от этих слов утешения девушка разрыдалась лишь пуще прежнего, ни в чем не уступая ребенку. Теперь зашумели не только сердобольные дамы. Пусть Шуй Цюбо и не была писаной красавицей, она была миловидна, и ее слезы мгновенно пробудили в местных мужчинах благородство — десятки голосов наперебой принялись заступаться за нее. В итоге оживленная улица Столицы оказалась намертво заблокирована толпой сочувствующих граждан. А застрявшие в хвосте этой импровизированной пробки бедолаги, не понимая, что происходит, крыли зачинщиков последними словами.

Картина была поистине неопиcуемой: плотное кольцо зевак заворoженно наблюдало за тем, как молодая девица и маленький мальчик самозабвенно соревнуются, кто кого переплачет.

Самое забавное, что вокруг воцарилась странная тишина. Все словно разом осознали простую истину: когда ревут женщина и ребенок, лезть к ним с утешениями бесполезно, пока они сами не выплачут все слезы. Лучше просто подождать.

Громкие рыдания разносились далеко по округе, вызывая у застрывших позади прохожих недоумение и волну глухого раздражения. Слухи множились, один нелепее другого: кто-то уверял, что избивают сироту; кто-то кричал о насилии над беззащитной девой; шептались, будто подлец-муж бросил семью прямо на мостовой, а кое-кто и вовсе трагически вещал, что у несчастной вдовы прямо сейчас на руках испустил дух благоверный...

Вернувшись в постоялый двор и не найдя там спутников, Су Линцзюнь отправился на их поиски. Он быстро уперся в плотную толчею и уже начал терять терпение, как вдруг до его слуха долетел плач. Звуки эти показались ему до боли знакомыми. С каждой секундой его сердце сжималось все сильнее от нехорошего предчувствия. Наплевав на приличия, он двинулся напролом, нещадно наступая зевакам на ноги и пропуская мимо ушей яростные проклятия, летевшие ему в спину.

— Братец... ты как раз вовремя, — первым заметил его Да Данцзя, виновато переступив с ноги на ногу.

Су Линцзюнь смерил взглядом ревушую парочку. Отрок и девица, видимо, в процессе взаимных утешений умудрились сплотиться и теперь рыдали, обнявшись, на всю улицу. И ведь ни капли не стыдно так убиваться при честном народе!

Мужчина бесцеремонно протянул руки и в один миг выхватил Отрока из объятий портнихи. Тот сдавленно пискнул от неожиданности, но мгновенно затих, уставившись на спасителя.

— Папочка... а почему ты стал таким страшненьким? — размазывая слезы по щекам, пробормотал малыш. Он протянул ладошку и принялся ковырять пальчиком край лица Су Линцзюня, пытаясь нащупать шов от маски из человеческой кожи.

Су Линцзюнь аккуратно перехватил его ручонку и с усмешкой спросил:

— Ну что, потоп окончен?

Мальчик замотал головой, крепко обвил ручками шею отца и уткнулся носом ему в плечо.

— Надо сделать перерыв! — важно заявил он.

— Ишь какой, перерыв ему нужен! — хмыкнул Су Линцзюнь. — Что, потом продолжишь?

Хочешь, я тебе подыграю?

— Не надо! Всё, я больше не плачу, честно-честно! — заверещал малец, изо всех сил тряся отца за шею.

— А с сестрицей что делать? Она ведь все еще рыдает. Бросишь ее в беде?

Мальчик повернулся к Шуй Цюбо и серьезно произнес:

— Сестрица, ты только не обижайся, но я больше плакать с тобой не буду. Я пойду с папой играть. Хочешь с нами? И спасибо за одежду, она очень красивая!

— Вот именно, дочка, полно тебе убиваться, — мягко добавил старый наставник. — Народу вокруг собралось — проходу нет, нехорошо это.

Он незаметно подтолкнул локтем Лянь Уцзю. Тот сперва растерялся, но быстро сообразил, в чем дело, и торопливо протянул девушке чистый платок:

— Пригожая Шуй, вытрите слезы. Бросайте сегодня эту торговлю, давайте лучше зайдем в чайную, переведем дух. Согласны?

Девушка молча кивнула и приняла платок. Лянь Уцзю тут же принялся споро сворачивать ее нехитрые пожитки, мечтая лишь об одном — поскорее убраться отсюда подальше.

Они поспешно скрылись в ближайшей чайной, наконец-то избавившись от назойливого внимания толпы.

— А ведь они действительно похожи, — заметил Да Данцзя, когда все устроились за столиком.
— Я сразу заподозрил неладное.

Лянь Уцзю прищурился, придирчиво переводя взгляд с отца на сына, и покачал головой:

— Да где же сходство? Брат Су темнокож, взгляд у него тяжелый, лицо угловатое, а нос картошкой... Клянусь, красавцем его не назвать. Ты уж не обижайся, друг, но этот ребенок точно твой? Неужто не приемыш?

— Уцзю! — сурово осадил его наставник. — Что за грубость? Твоя слепота меня порой пугает. Я сразу вижу: кровь одна, черты лица врать не умеют.

— Учитель... да я же просто так спросил, из любопытства, — пробормотал парень.

Отрок от таких расспросов надулся и сердито буркнул:

— Глупости говоришь, братец! Мой папа самый красивый! Все всегда говорили, что мы с ним одно лицо. Просто он... ну, временно подурнел. Но потом ведь все вернется на свои места, правда, пап?

Су Линцзюнь тяжело вздохнул и с укором посмотрел на Лянь Уцзю:

— Тебе-то какое дело, Лянь? Уж не завидуешь ли? Отрок — мой сын, плоть от плоти, и точка.

— Вот именно! И папа у меня только один! — поддакнул малец.

— А ты не задавайся! — Су Линцзюнь легонько щелкнул сына по носу. — Кто тебе разрешил сбегать из дома? Ишь, какой храбрый выискался! Людей перестал бояться?

Обиженный ребенок шмыгнул носом:

— Так ты же сам обещание нарушил! Больше двух месяцев к нам с бабушкой не заглядывал! Обещал, как только начнутся каникулы, взять меня с собой в путешествие, а сам обманул! Дядя Фан сказал, что ты целыми днями пропадаешь в этой игре и думать о нас забыл!

— Дядя Фан? Фан Сяннань, что ли? — прищурился Су Линцзюнь.

— Ну да, тот самый, умный, который игры делает. Дядя Фан хороший!

«Хорошим людям давно пора урезать жалованье», — мстительно подумал про себя Су Линцзюнь.

Шуй Цюбо, доселе сидевшая тише воды ниже травы, поднялась со своего места и низко поклонилась:

— Простите меня, пожалуйста! Я не хотела доводить вашего сына до слез. Это все моя глупая несдержанность... Мне так неловко...

— Сестрица не виновата, это я раскричался! Папа, не ругай ее, — тут же вступился за нее Отрок.

Су Линцзюнь уже разобрался в ситуации и зла не держал. Глупо было бы винить в чем-то юную мастерицу.

— Раз признаешь вину, то извинись как следует. И за наряд нужно заплатить, бесплатно такие вещи не берут.

— Хорошо, — кивнул малыш. — Прости, сестрица, что заставил тебя плакать. Вот, заberi мои деньги!

Он протянул ей пригоршню игровых жетонов — все свое нехитрое богатство. Каждому игроку-туристу при входе в игру выдавали такие бляшки, каждая номиналом в десять золотых.

Шуй Цюбо испуганно замахала руками:

— Что ты! Это же целое состояние, я не могу принять столько! К тому же я сама собиралась сделать подарок... да еще и обидела тебя. Не возьму я денег.

— Брать чужие вещи просто так — нехорошо. Возьми, пожалуйста, — упрямо настаивал Отрок.

Шуй Цюбо беспомощно вздохнула:

— Ну ладно. Тогда одного жетона будет более чем достаточно.

— Спасибо! — просиял мальчик. — Не переживай, я теперь всегда буду покупать наряды только у тебя.

— Буду рада, — улыбнулась Шуй Цюбо. — Я добавила тебя в друзья. А теперь мне пора идти. Еще раз простите за беспокойство и спасибо вам всем!

Она вежливо поклонилась присутствующим и на прощание тепло улыбнулась Лянь Уцзю:

— Надеюсь, мы еще встретимся.

— Берегите себя, пригожая Шуй, — кивнул Лянь Уцзю.

Не успела за девушкой закрыться дверь, как старый наставник отвесил ученику чувствительный подзатыльник:

— Ну что за недотепа! Из всех нас ты познакомился с ней первым. Девчонка расстроена, только-только плакать перестала, мало ли что по дороге случится. Не мог проводить гостью?

Лянь Уцзю шумно выдохнул, покорно закивал и поднялся со стула:

— Да-да, бегу уже, провожу!

И поспешно выскочил вслед за девушкой на улицу.

<http://bllate.org/book/18276/1761794>